

Неравный бой.

НЕДАВНО в Центральном детском театре отмечался двойной юбилей — день сорокового спектакля «В поисках радости» и десятилетие творческого содружества театра с одним из известных советских драматургов Виктором Розовым. Во многих театрах страны ставились его пьесы «Страницы жизни», «В добрый час!», «Вечно живые» («Любовь навсегда»), по которой был снят фильм «Летят журавли», обошедший экраны всего мира. «В поисках радости». Три театра: московские — Малый Академический, Центральный детский и ленинградский — Большой драматический имени Горького готовят к постановке новую пьесу В. Розова «Неравный бой». Наш корреспондент побывал у Виктора Сергеевича Розова. В беседе Виктор Сергеевич сказал:

— Прежде всего хочется мне поздравить всех читателей «Учительской газеты» с наступившим Новым годом и пожелать им счастья, больших успехов в труде и жизни. Учителя очень много делают для воспитания наших детей. Но до семьи они еще не всегда «добираются». А каждая семья — это своя педагогическая академия. Здесь много педагогических исаний, удач, срывов. Но ведь как бы ни ошибались наши дети, отвечаем за них мы, взрослые. И в первую очередь следует ругать нас, потому что нередко сами взрослые подают дурной пример, порой стремясь сделать лучше. Внутренний мир подростка, юности хрупок и тонок, сломать его легко, а укрепить — гораздо сложнее: для этого нужны ум, чуткость и такт. В своей новой пьесе «Неравный бой» я и хотел обратить внимание на эту сторону воспитания, сказать: «Милые родители, будьте более внимательны и чутки к своим детям».

С ЭТОГО номера мы начинаем печатать второе действие пьесы В. Розова «Неравный бой», предоставленной нам автором. Полностью пьеса будет напечатана в журнале «Юность» в нынешнем году.

Виктор Сергеевич Розов в рабочем кабинете.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО

В первом действии рассказывается о том, как к Тамаре Тимофеевне Завариной, живущей с племянником Славой на окраине Москвы, приезжают братья — Роман и Тихон — с женой. Радости их нет предела: Слава выдержал вступительные экзамены в университет! Но они встревожены: Слава уже два раза поздно приходил домой. Как бы это не помешало ему успешно заниматься в университете. Происходит резкое столкновение Славы с тетей и дядей Романом. Наступает вечер. Слава уходит к Лизе, дочери соседа Григория Степановича.

Действие второе

Ночь. Очень ярко светит луна. Огни в окнах домов погашены. Фонарь у ворот зажжен. Видны передний забор с калиткой и двор.

На крыльце своего дома сидит Григорий Степанович и курит трубку. Дверь соседнего дома открывается, и осторожно выглядывает Митя. Он вышел на крыльцо, тихо пошел по двору к калитке. Выглянул наружу, посмотрел в обе стороны — никого. Пошел обратно.

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ (тихо): Митя!

Митя вздрогнул, обернулся к Григорию Степановичу. Чего бродишь?

(Вся сцена идет приглушенно)

МИТЯ: Так... Лиза пришла?

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ: Иди, ложись, не расшатывай раньше времени нервную систему.

МИТЯ: Пришла?

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ: Давным-давно. Спит. Митя понял, что Григорий Степанович говорит неправду, подошел к забору. Молча стоит. К нему подошел Григорий Степанович. Оба некоторое время молчат.

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ: Тепленько какая! Ы!

МИТЯ: А меня знобит.

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ: Это тебя изнутри, значит. Подберись!

МИТЯ: А вы солнца ждете?..

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ: Кто его знает, может, и дождусь. (Смеется). Занятно!

МИТЯ: Что вы смеетесь?

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ: Вот, значит, ты, а вот я — что между нами общего? Ничего, кажись. Оказывается, есть!.. Много!..

В дверь высунулась Тамара Тимофеевна.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА (встревоженно): Кто там? Почему дверь открыта? Тихон! Роман! Кто-то дверь открыл! Тихон! Роман!

МИТЯ: Это я, Тамара Тимофеевна, я открыл!

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Зачем ты?.. Среди ночи... Что за безобразие?

Григорий Степанович пошел к себе в дом.

МИТЯ: Вышел... душно...

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Не изворачивайся! Очень с твоей стороны мило: в благодарность за то, что я за тобой присматриваю, да? Дождешься, я телеграфирую в Ялту...

МИТЯ: Я же ничего не сделал.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Иди сейчас же и ложись! Митя идет в дом. В это время вышли Тихон Тимофеевич, Верочка, из окна высунулись Роман Тимофеевич, Антонина Васильевна.

ТИХОИ ТИМОФЕЕВИЧ: Что тут стряслось, Тамара?

АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА: Жулики?

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Нет. Это Митя для Святослава специально дверь отворил. Они договорились...

АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА: Вот шайка!..

РОМАН ТИМОФЕЕВИЧ: А ты, Тихон, весь вечер горло драг, его защищал... Вон он где, твой Славочка! Не к лицу тебе это, не к должности... На заводе, поди, одно проповедуешь, а тут всякую психологию разводишь...

ТИХОИ ТИМОФЕЕВИЧ: И тут и там говорю одно и то же — то, что думаю.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Идите спать, отдыхайте. Ничего, он у меня узнает! И нашел с кем.

ТИХОИ ТИМОФЕЕВИЧ: А чем она плоха?

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Ты их не знаешь — страшная семья, нация с самого папаша. А эта Лиза... Ее чуть ли не с восьмого класса мальчишки до калитки провожают начали... И что ни вечер, то новые... целыми партиями! Стоят тут, гогочут, как гуси... Стыд! (Пошла в дом). Прихлопните дверь покрепче. (Ушла).

ВЕРОЧКА: Бедный Славка!

ТИХОИ ТИМОФЕЕВИЧ: Бедный ли?

ВЕРОЧКА: Электричка идет, слышишь?

Пауза. Шум пробегающего вдали поезда.

ТИХОИ ТИМОФЕЕВИЧ: Электрички, наверное, давно прошли, это какой-нибудь пассажирский. Хорошо как!

ВЕРОЧКА: Ты знаешь, мне все время страшно с тобой.

ТИХОИ ТИМОФЕЕВИЧ (смеется): Вот так-так!

ВЕРОЧКА: Да, да!.. Мне все время кажется, что ты знаешь о жизни что-то такое, самое важное, самое главное... самое такое...

ТИХОИ ТИМОФЕЕВИЧ: Ничего я не знаю. Просто старше тебя на двадцать лет...

ВЕРОЧКА: Знаешь, знаешь! И не говоришь потому, что заранее уверен — не пойму. А я мало что знаю... Я и люблю тебя за то, что боюсь тебя... С тобой так хорошо!..

ТИХОИ ТИМОФЕЕВИЧ: А мне все кажется загадкой — почему ты любишь меня! Иногда проснусь и думаю: все это приснилось... Даже вздрогну... Нет! Смотрю, ты хлопочешь у стола — и так страшно делается!.. Так хорошо! Когда умерла Елена, я ощутил не только пустоту вокруг себя, но и беспомощность... Да, да, беспомощность. Хотя у меня взрослые дети и сам я, как говорится, не баловень жизни... Но я вдруг растерялся... Но еще страшней стало, когда улетела любовь... Я ведь думал, что больше никогда никого не смогу любить... и вдруг встретил тебя!.. Конечно, ты глупая, ты бесспорно глупая, потому что не можешь понять, что такое любить снова... Ты не понимаешь этого счастья!..

ВЕРОЧКА: Я счастлива.

ТИХОИ ТИМОФЕЕВИЧ: Нет, нет, счастлив именно я!

ВЕРОЧКА: Значит, ты згойст.

ТИХОИ ТИМОФЕЕВИЧ: Безусловно!

Целуются. Это видят притаившиеся в окне Роман Тимофеевич и Антонина Васильевна.

РОМАН ТИМОФЕЕВИЧ: Ай-яй-яй! Ну, скажи, не одурел ли Тихон: до седых волос дожил, на партийной работе продвигается, а такая чепуха в голове! А?

АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА: Чурка ты!.. Чурка деревянная!.. Чурка!

Заплакала. Скрылась. Роман Тимофеевич тоже исчез.

ВЕРОЧКА (прерывая поцелуй): Спать иди, отдохнуть тебе надо!..

ТИХОИ ТИМОФЕЕВИЧ: Боюсь ложиться. Подкараулят они Славку, начнут... Вроде бы самортизировать надо.

ВЕРОЧКА: Самый мой красивый на свете!.. Идем. Дверь плотно не прикрывай.

Ушли.

ГОЛОС ТАМАРЫ ТИМОФЕЕВНЫ: Верочка, ты дверь-то не прихлопнула!

Дверь зацелкнулась на замок. Тишина. У забора на переднем плане появляются Слава и Лиза.

ЛИЗА: Потом мне говорят: «Танцевать умеете?» — Ну, сам понимаешь — мой конек!.. Славка, смотри, никому ни слова!.. Я говорю аккомпаниатору: «Пожалуйста, что-нибудь бурное,строе!» И пошла! Что, как — я? помню!.. Просто импровизировала!.. Что-то вроде вот этого... (Делает несколько танцевальных движений). Не могу, устала — от самого «Ударника» идем — километров десять!.. До чего же Москва ночью хороша! А?.. И ты заметил: вышли мы из кино — народу толпа, в центре тоже много, а потом все меньше, меньше, меньше... Тихо... Только наши каблучки стучат по асфальту!.. (Посмотрела на домик). А у нас все спят!.. Тебя будут ругать?

СЛАВА: Еще чего!.. Не маленький.

ЛИЗА: А на меня отец сердится. Но молчит... Он ведь хороший, ты не думай... Ну, до свидания, счастливчик!.. Ничего, может быть, и мне подвезет, послезавтра узнаю.

СЛАВА: Теперь уже завтра.

ЛИЗА: Да! (Смеется). Уже воскресенье. Пока.

СЛАВА: Пока.

Стоят молча. Шум проходящего поезда.

СЛАВА: Товарный идет.

ЛИЗА: Ну, счастливо!

СЛАВА: Счастливо!

Стоят молча некоторое мгновение.

СЛАВА: А ты замечала, что все мальчишки нашей школы относились к тебе... особенно.

ЛИЗА: Конечно, замечала.

СЛАВА: И что?

ЛИЗА: Что?

СЛАВА: Нравилось?

ЛИЗА: Конечно.

СЛАВА: Тебе кто-нибудь объяснялся?

ЛИЗА: Объяснялся.

СЛАВА (опешив): Да что ты!

ЛИЗА: Некоторое косвенно, а прямо только один.

СЛАВА: Кто... прямо?

ЛИЗА: Митя.

СЛАВА: Наш Митя?!

ЛИЗА: Да.

СЛАВА: Что же он тебе сказал?

ЛИЗА: Ну... что положено...

СЛАВА: А ты?

ЛИЗА: Я?.. Я тоже сказала, что люблю... Понимаешь, я растерялась... Глаза у него были такие, жалобные-жалобные... Я хотела сказать не люблю, но смотрю — он вот-вот заплачет... Испугалась... и говорю: «люблю, люблю!» — Ну, чтоб успокоить... И сразу же говорю ему: «иди, иди отсюда!»... Он ушел.

СЛАВА: Пройдем до шлагбаума.

ЛИЗА: Пойдем.

СЛАВА: Не устала?

ЛИЗА: Ни капельки!.. А сегодня он пришел ко мне и говорит: «Ты звала?» А я его и не звала, это он нарочно придумал. И уж тут я с ним...

Уходят.

Опять осторожно открывается дверь соседнего домика. Выходит Митя. Он проходит к калитке. Посмотрел на улицу. Потом пошел к столу, садится около него на скамейку. Вышел и Григорий Степанович. Он ширкнул спичку, раскурил трубку, сел на крыльцо.

МИТЯ: Григорий Степанович!

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ: Аюшки?

МИТЯ: Вам сколько лет?

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ: Шестьдесят два. А тебе?

МИТЯ: Восемнадцатый.

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ: Счастливцев.

МИТЯ: Кто?

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ: Ну, ежели ты такой вопрос задаешь, значит, я.

Высунулась Тамара Тимофеевна.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Опять ты вышел... Сейчас же иди в дом.

МИТЯ: Я же никуда не убежал — здесь сижу.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Иди, тебе говорят.

В окно высунулся Роман Тимофеевич.

РОМАН ТИМОФЕЕВИЧ: Что вы тут шипите, как кошки? Всю ночь колдобродите! Отдохнешь у тебя!.. Дача!..

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ: Вам с Антониной хорошо одиноком. Покушали — и вся проблема жизни решена.

РОМАН ТИМОФЕЕВИЧ: А ты бы молчал — вырастил для государства вора, да еще отцовством своим козыряешь!

Исчез. Митя ушел в дом.

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ: Видать, иногда людям надо из себя пяток-другой поганых слов выбросить. Нутро прочищает, что ли... Прохладой потянуло, чуеет? Светать, значит, скоро начнет... Погода!..

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА (решительно): Григорий Степанович!

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ: Я!

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Можно вас на минуту?

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ (подходя к забору): Пожалуйста.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Вы отец дочери... Вы это понимаете?..

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ: Догадываюсь, вроде.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Я же вам хочу добра... и советую...

ГРИГОРИИ СТЕПАНОВИЧ: Да, да, да... Слушаю.

ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА: Запретите ей... Категорически запретите!.. Вы человек сильный, решительный... Она девчонка, глупа, легкомысленна... Я не хочу вас пугать, но знаете, что бывает в таких случаях...

(Продолжение следует).

Редактор Н. М. ПАРФЕНОВА